

и общенародному и литературному языку, «присущи такие явления, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, архаизация, неологизмы, разные типы фразеологических устойчивых словосочетаний...» (с. 39) и др.

Желая подчеркнуть близость тюркских языков в лексическом отношении, автор пишет, что «фонетическое отклонение наблюдается лишь в некоторых языках» (с. 18; см. также с. 25, 34, 39 и др.). Но стоит ли неоднократно напоминать о бесспорных фонетических соответствиях только для того, чтобы повторить, что казах. *алма*, узб. *олма*, турецк. *elma* «яблоко» (с. 18) представляют одну лексему, или такие слова, как *айақ* «нога», *ат* «лошадь», *баш* «голова» (с. 39) являются общетюркскими?

Отметим также некоторые неточности и опечатки, особенно досадные в лингвистической работе. Так, в главе «Структура и семантика корня» (с. 82—104) при описании структурных разновидностей корней типа ГС автор допускает смешение примеров разного порядка: некоторые из них при «Г + сонантах»: *u : p // *ep // ėp // ėr* «мужчина, муж, герой» (с. 94) повторяются также и при «Г + смычных»: *ep // *ėp // ep // ėr* «мужчина» (с. 95) и др. На с. 91 мы читаем: «с аффиксальными нарушениями» вм. «наращениями», на с. 153 — «индоевропейцами» вм. «индоевропейцами», на с. 206 — «родители-казаки» вм. «родители-казахи», на с. 125 — опечатка в названии цитируемой книги: «Атлантика» вм. «Алтантика». Встречаются в книге и фразы, не совсем удачные в стилистическом отношении, например «...с другой стороны, нельзя отрицать сильное влияние на чувашский язык и быт татарского быта и, вообще, татарских языков и тюркской культуры на чувашскую культуру и быт» (с. 206). На с. 219: «...имя Борис было заимствовано славянами из разных диа-

лектов в формах: *Боришь, Борисъ, Бориль...*». В статье И. Г. Добродомова, на которую ссылается автор, написано: «...имя *Борисъ* было трижды заимствовано славянами из разных древних болгарских диалектов: *Борисъ, Боришь, Бориль...*» [4]. В разделе «Антропонимика» (на с. 211) замечены неточности в переводе ряда имен. Автор пишет: *Азизи* «Почетный, Снятой», надо — *Азиз* «сильный, могущественный, дорогой»; имя *Аббас* переведено «лев» вм. правильного «хмурый, суровый», имя *Мухаммад* — «самый прославленный» вм. «хвалимый, достойный восхваления»; *Азим* / *Асим* не варианты одного и того же антропонима, а два самостоятельных имени, образованных от разных корней с разными значениями: «великий» и «защищающий», и др.

Однако, несмотря на указанные недостатки, еще раз отметим: монографическое исследование К. М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» является весомым вкладом в советскую тюркологическую науку.

Кайдаров А. Т., Копыленко М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
2. Гаркавец О. М. Тенденції розвитку первинного дієприслівника на -А в тюркських мовах на Україні. — Монографія, 1985, № 1.
3. Конанов А. Н. Реорганизация турецкого лингвистического общества. Новое научное общество. — СТ, 1984, № 3, с. 75 и сл.
4. Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонимику. — В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 236.

Бумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. — Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 т.

Последний период развития лингвистики характеризуется заметным расширением круга языков, привлекаемых в целях общелингвистических обобщений. В этом отношении показательна рецензируемая книга, построенная на материале западнокавказских языков, характеризующихся чрезвычайно высокой степенью синтеза.

Западнокавказские (абхазско-адыгские) языки, относящиеся к наиболее типич-

ным представителям языков эргативного строя, характеризуются целым рядом структурных черт, проливающих свет на историю становления эргативного падежа и эргативной конструкции предложения. Так, в абхазском и абазинском языках субъектно-объектные отношения в эргативной конструкции выражаются только в глаголе, а в убыхском, адыгейском и кабардино-черкесском языках — как в глаголе, так и в других классах слов (именах

и местоимениях), различающих эргатив и абсолютив, что является явно вторичным по сравнению с глагольным (абхазско-абазинским) типом эргативности. Кроме того, вторичность эргативной функции по сравнению с артиклевой у падежного форманта -м в адыгских языках, неустойчивость форманта эргатива во всех разрядах слов и словоформ, его полифункциональность (совмещение им функций косвенных падежей и т. д.), возможность его чередования с нулем во многих случаях, втягивание личных местоимений в парадигму склонения по модели эргатива в функции косвенных падежей, синтаксическая обусловленность падежа на -м в адыгских языках и падежа на -н в убыхском не только семантикой переходного глагола, но и послелогом, проверками и другими словообразовательными морфемами показывают наличие промежуточных этапов в формировании эргативной конструкции, что представляет несомненный интерес для общей теории эргативности. Все эти и ряд других вопросов обсуждаются на широком материале в рецензируемой работе (см подразделы первой главы «Падеж и артикль», «Категория определенности/неопределенности», «К истории эргативной конструкции», «Предложение в языках полисинтетического типа» и др.).

Книга открывается введением, в котором справедливо указывается на условность принятой практики причисления тех или иных исследований к разряду общего и частного языкознания, подчеркивается необходимость включения в орбиту теоретического языкознания не только языков разных генетических групп и типологических систем, но и разных функциональных систем, наддиалектных и обобщенных образований, в том числе устно-поэтической речи, отличающейся глубокими традициями и неповторимыми особенностями своего строения.

В первой главе рассматриваются вопросы фонетики и грамматики: общелингвистическая теория моновокализма, пропиаемость фонологической системы, история сложения четырехчленной системы смычных в кавказских языках, соотношение числа и грамматики, падежа и артикля, слова и словосочетания, агглютиации и полисинтеза, слова и предложения в языках полисинтетического типа, вопросы, связанные с историей категории посессивности, эргативной конструкции предложения, динамикой синтаксического строения слова и словосочетания и др.

Во второй главе работы обсуждаются вопросы, особенно актуальные для младописьменных языков: функционально-стилистическое варьирование языков различных типов, соотношение диалекта и разговорной речи, язык эпической поэ-

зии, своеобразие функционирования слова и морфемы в устной поэзии, особенно сти синтаксиса устной поэзии, место устно-поэтической речи в стратификационной системе языка. Выделяя на материале западнокавказских языков три функциональных стиля (устно-поэтический, литературно-художественный и научно-публицистический), М. А. Кумахов подчеркивает, что классификация функциональных стилей и их соотношение не обязательно должны быть одинаковыми для разных языков. И тем не менее с точки зрения истории сложения и развития функциональных стилей, форм их взаимодействия, связей с другими разновидностями языка, в том числе с территориальными диалектами, языки определенного типа, особенно языки с недавними письменными традициями, обнаруживают много общего, что представляет интерес для теории языкового варьирования, истории и типологии литературных языков (с. 186). То же самое нужно сказать о соотношении диалекта, разговорной речи и письменного литературного стандарта в языках указанного типа. Отличительной чертой последних является устойчивость позиции территориальных диалектов, обслуживающих не только сферы быта и семьи, что отчасти связано с явлением диглоссии в условиях формирования и развития младописьменных литературных языков. Так, если «носитель русского литературного языка обычно не владеет ни просторечием, ни территориальными диалектами» [1], то многие носители младописьменных языков пользуются и диалектами. Этот тип диглоссии имеет распространение, например, среди носителей западнокавказских литературных языков (с. 186—195). М. А. Кумахов на конкретном материале убедительно показывает, что варьирование членов оппозиции «диалект ~ литературный язык» не всегда определяется социальными группами говорящих, поскольку последние широко используют оба члена оппозиции в зависимости от ситуации. Все это объясняется широко известным из истории старописьменных языков фактом, что сложение устно-разговорной разновидности литературного языка происходит в более позднее время, чем его письменная разновидность [2]. Отсюда понятно, что на становление нормированной разговорной разновидности литературного языка младописьменных народов может оказать влияние территориальный диалект, не носящий в силу прочности его позиции характера сниженной (непрестижной) речи (последнее имеет место во многих старописьменных языках). Вообще само явление диглоссии дает возможность широко и свободно использовать обе языковые подсистемы — литературный язык и диалект —

для обслуживания разных сфер общения (с. 192).

Большое внимание уделено характеристике устно-поэтического языка, его своеобразию и роли в сложении и развитии литературного языка. Отмечая богатство и разнообразие языка традиционных жанров фольклорного наследия, его устойчивость и обобщенность, автор справедливо указывает, что «неповторимый материал языка устной поэзии до сих пор не привлекается (или почти не привлекается) для решения общелингвистических проблем, в том числе теории слова и морфемы, их эволюции и преобразований» (с. 233, 234).

Рассмотрев вопросы родства и методы лингвистического анализа западнокавказских языков, автор обосновывает новую точку зрения, согласно которой в эпоху после распада праязыкового единства праабхазский оставался самостоятельной единицей, тогда как адыгско-убыхское единство сохранялось в течение определенного периода в истории развития данной группы языков (с. 268). Это принципиально ново для реконструкции генеалогического древа западнокавказских языков.

Касаясь методики реконструкции и практики компаративистских исследований многих языков, в особенности языков, не имевших давних письменных традиций, М. А. Кумахов указывает на известный анахронизм рассмотрения архетипа как явления вневременного порядка (т. е. на соотносимого с какими-либо хронологическими рамками). Автор считает, что нельзя рассматривать один из сравниваемых языков (диалектов) как живую модель праязыкового состояния, древние внутригрупповые заимствования лексем как зеркальное отражение предшествующего состояния фонологических подсистем, а сам праязык как неподвижный конструкт, лишенный вариаций, истории и временных параметров.

На материале западнокавказских языков освещаются проблемы соотношения морфемного и словообразовательного анализа, а также дается дистрибутивный анализ полисинтетического комплекса.

В последней главе затрагиваются явления, отчасти находящиеся на стыке языкознания и фольклористики: отношение Тмутараканского цикла фольклора адыгских (черкесских) народов к исторической Тмутаракани, имени косожского князя Редеди (в русских летописях) к адыгскому Ридадэ, адыгского топонима *Тамтарэжъай* «Тмутаракань» и греч. *Ταμταρρα*, происхождение имени главного героя эпоса западнокавказских народов Сосруко, взаимосвязь песенного рефрена *уз-рэде* и слова *узрэо* «песня» и др.

Из сказанного видно, что в книге рассматривается большой круг лингвистических и культурно-исторических проб-

лем. Естественно, что не все эти вопросы получили окончательное решение, а по некоторым из них, если учесть состояние разработки тех или иных проблем как общего, так и частного (кавказского) языкознания, могут быть иные точки зрения.

Наши замечания и пожелания сводятся к следующему.

Анализ грамматической категории числа строится на материале языков разных систем. Однако в этом отношении данные западнокавказских языков, в особенности убыхского, чрезвычайно своеобразны и уникальны. В убыхском языке из двух основных падежей — абсолютива и эргатива — только последний различает грамматические формы числа. Нам представляется, что материал западнокавказских языков позволяет не только проследить историю сложения категории грамматического числа в этих языках, но — и это главное — сформулировать более общие выводы, касающиеся генезиса и эволюции категории количества как категории абстрактного, обобщенного мышления. В этой же связи следует сказать, что положение автора о родовом значении и немаркированном употреблении формы ед. числа могло быть усилено фактами из других языков, в частности — современного русского языка, где подобные явления имеют распространение, обнаруживая широкие типологические параллели, например, в неиндоевропейских языках.

Вызывает возражение употребление терминов «именительный падеж», «номинатив» вместо «абсолютный падеж», «абсолютив». Как уже отмечалось в литературе [3], здесь говорится не только о терминологии, но и о языковой типологии и соотносительности им. падежа с номинативным строем. Когда речь идет о типичных представителях языков эргативного строя, какими являются западнокавказские языки, следовало бы в соответствии с их типологической принадлежностью оперировать понятиями «эргативный падеж — абсолютный падеж», «эргативная конструкция — абсолютная конструкция».

При характеристике динамики синтаксического строения слова и словосочетания можно было шире привлечь ономастический материал, сохраняющий не только традиционные синтаксические конструкции, но и архаичные, реликтовые черты, утраченные живыми языками и диалектами. Для обоснования исходности в западнокавказских языках синтаксической конструкции «количественное числительное + существительное» автор приводит топонимы типа адыг. *Тлуапс* (<шапс. *Тлкъуапсэ*) «Туапсе», букв. «Двуречье», построенные по пра-

языковой модели. Однако ономастика дает интересный и богатый материал для внутренней реконструкции других типов праязыковых моделей сложных слов и слово-сочетаний [4, 5].

Следует сказать, что книга прекрасно издана, хорошо оформлена, но, к сожалению, тираж ее невелик.

В целом работа М. А. Кумахова, опирающаяся на материал языков полисинтетического типа, не так часто привлекаемых в общетеоретических лингвистических трудах, представляет значительный интерес для общего и кавказского языковедения. Следует подчеркнуть, что выходу в свет данной книги предшествовало большое число работ автора, в том числе крупных монографических исследований, посвященных разработке конкретных проблем (фонетики, словообразования, грамматики, стилистики, языка устно-поэтического творчества) западно-кавказских языков. На базе этих иссле-

дований, насыщенных богатым языковым материалом, выросла рецензируемая книга с новизной и убедительностью основных ее положений.

Кочов Дж. Н., Чкадуа Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. М., 1981, с. 23.
2. *Баранникова Л. И.* Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке. — ВЯ, 1970, № 3.
3. *Мещанинов И. И.* Общее языковедение. Л., 1940.
4. *Кочов Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
5. *Кочов Дж. Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983, с. 55, 95.